

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Западе не было обращено внимания. Благодаря им, Орбели устанавливает зависимость изразцовых выкладок из звезд и многоугольников от потолков Ани. Армения, как одна из стран виртуозной обработки камня, содействовала развитию и других типов изразца. Так, технику рельефного изразца, помимо мусульманских декоровок из гипса, можно было усвоить, по мнению Орбели, от резьбы по мягкому камню сложной орнаментики. Здесь, кроме армянской, могла влиять и восточно-грузинская, и сельджукская резьба. Путь, по которому перешли приемы этой техники с естественного на искусственный материал, был сложен, и раньше чем был найден способ глазурирования рельефа из глины, существовала промежуточная стадия, примером которой Орбели указывает резьбу по мягкому камню и неглазурированной глине в Средней Азии. Применение изразцовой мозаики, выработавшейся в двух основных типах, равным образом ставится в зависимость от обработки камня, а именно от излюбленных в мусульманском искусстве декоровок из разноцветных пород. Геометрические частицы мозаики первого типа, особенно распространенного на Западе, формировались и глазурировались каждая в отдельности. Мозаика второго типа составлялась посредством выпиливания частиц узора из готовых обожженных цветных плиток. Этим способом достигался особенный эффект, что прекрасно можно наблюдать на памятниках Самарканда, но трудность его выполнения повела к имитации мозаики путем копирования красками на больших плитах всех деталей орнамента, до передачи швов между частицами мозаики включительно. В очерке не забыты и декоративные высоко-рельефные надписи на персидских изразцах XIV века, иногда очень крупного размера, а также характерные особенности турецких изразцов.

Без загромождения мелкими подробностями, Орбели удалось набросать полную картину развития изразцов, данную иногда в новом освещении, благодаря чему эта работа явится очень ценной не только для С.С.С.Р., но и для Западной Европы.

В. Крачковская.

◆ *Кубе, А. Н.* Майолика и французский фаянс XVIII в. собрания Штиглица. (Государственный Эрмитаж.) Петербург. 1923 г. 8°, стр. 43.

Значение культуры Востока для Западной Европы давно известно, но далеко не во всей силе еще оценено. Проникала она несколькими, часто очень сложными путями. Целый ряд ярких

примеров подтверждает влияние мусульманского искусства на искусство средневековое и ренессанс. К таким относятся, например, восточные ковры и ткани, которые не только ввозились в Европу, как ценные предметы, но и вызывали местные подражания, а также часто изображались на картинах итальянской и фламандской школы.

Производство майолики, которому посвящен настоящий очерк А. Н. Кубе, может служить одним из характернейших примеров этого рода. Придя в Испанию с Переднего Востока, вероятно из Персии, оно достигло здесь большой степени совершенства. Достоинство оцененные испано-мавританские майолики, покрытые всегда металлическим „люстром“ (отблеском), распространялись из центра производства XV века, главным образом Валенсии, не только в Испании. В соседних странах, Франции и Италии, найдены многочисленные образцы, частью с фамильными итальянскими гербами (стр. 9). Широкий спрос валенсийского фаянса в Италии дал прочное наименование произведениям этого рода (Maiolica по месту вывоза—острову Майорке (стр. 6).

С XV века производство расцветает в нескольких пунктах Италии, где идет самостоятельными путями в смысле развития орнаментальных и фигурных сюжетов, а также обогащения красочной гаммы. Тем не менее, основные черты испано-мавританских майолик продолжают сказываться в обширном применении „люстра“, иногда новых оттенков, как, например, перламутрового отблеска в изделиях Деруты (стр. 21) или рубинового люстра Губбио (стр. 22). Не были забыты с перенесением техники на почву Италии и элементы восточной орнаментики, которые Кубе отмечает на экземплярах тосканской майолики XV в.—звериный орнамент (стр. 16) и в произведениях Деруты — *fleurs perses* (стр. 21).

В XVIII веке майоличное искусство умирало в Италии. К этому времени, благодаря случайным причинам — законам против роскоши — оно, пройдя новый этап своего дальнего пути, внезапно блестяще развилось во Франции. Призванный заменить собою изделия из серебра, французский фаянс превзошел разнообразием форм итальянские, а тем более испано-мавританские майолики (стр. 31 — 34). Стиль французского фаянса, создававшийся частью самостоятельно, иногда был в зависимости от Италии (стр. 34, 36). Старые восточные традиции, однако, продолжали всплывать. Таким образом, в XVII веке в Невере царил синяя роспись персидским орнаментом.

Очерк Кубе, к которому приложен указатель специальной литературы, составлен применительно к собранию майолик бывшего музея Штигида. Несмотря на сжатость изложения, он может служить прекрасным кратким обзором для майолик вообще и дает возможность проследить в основных чертах ход восточных влияний в течение нескольких веков существования майоличного производства.

В. Крачковская.

◆ *Eduard Sachau.* Vom asiatischen Reich der Türkei. Weimar. G. Kiepenheuer. 1915. 8^c pp. 36 (Deutsche Orientbücherei, III). Эд. Захау. Об Азиатской Турции.

Отдавая дань моменту, заслуженный арабист Эд. Захау, хорошо знавший Азиатскую Турцию (первое путешествие в Месопотамию совершено им в 80-м году прошлого столетия), написал брошюру о значении Малой Азии, куда, как было ясно уже во время балканской войны 1912 — 1913 г.г., должен переместиться центр государства. Автор набрасывает сначала физико-этнографический эскиз страны, — юго-восточных окраин (Сирии, Месопотамии, Вавилона), населенных арабами. Удаленные из поля зрения европейцев, эти земли представляют для исследователя большой интерес. Замечая запустение там, где когда-то процветала культура, Захау разбирает условия, при которых может подняться благосостояние страны. Ему кажется, что перед предпринимчивым иностранцем-техником открывается простор и для увеличения сети путей сообщения, и для улучшения ирригационной системы. Но экономика зависит все-таки от того, насколько упорядочен государственный аппарат. Не будучи ослеплен османцами, Захау видит беззащитное положение трудолюбивых земледельцев-армян, которые постоянно находятся под угрозой нападения и разорения со стороны соседей-курдов, гнездящихся в горах. И он настаивает на признании прав за национальными меньшинствами. По опыту Македонии он знает, как опасна „национальная чересполосица“, когда бок-о-бок переплетаются и сталкиваются противоречивые, непримиримые интересы различных народов. И он задумывается над проблемой о переселении, но ему противостоят насильственные выселения, — противоестественные массовые переброски, которые практиковались в исторической жизни Древнего Востока. Ученый-теоретик, он отказывается предложить какую-нибудь меру; современные османцы, как мы знаем, охваченные националистическим шовинизмом, готовы

живых людей (неугодных им) перетасовать, силой подчинить турецкому укладу, а попросту — отуречить.

Нового в брошюре нет ничего, она рассчитана на среднего читателя, но трезвый подход авторитетного ученого делает ее небесполезным вкладом в популярную литературу о Турции.

Вл. Гордлевский.

◆ *Halide Edib Hanım.* Das neue Turan. Ein türkisches Frauenschicksal. Weimar. G. Kiepenheuer. 1916. 8^c pp. XI+94 (Deutsche Orientbücherei, VI). Халиде Эдиб. Новый Туран. Женская доля.

„Гениальная писательница“, как отзывался Хахтман¹⁾, горячая поборница эмансипации женщины в Турции, Халиде Эдиб занимает одно из первых мест среди представителей новой, национальной, школы литераторов, приемающих туранство. Утопическая повесть „Новый Туран“ (написанная в 1910 году) — художественное воплощение тех идей, которые изложены в трактате Текин Алпа. Автор мечтает о том, как борьба между младотурками — „иттихадистами“, которые, отказавшись от „оттоманизации“, строят государство на принципе национально-культурной автономии, и либералами — „ахрамами“, которые, разувверившись в первоначальных идеалах, снискавших им симпатии не-турецких народностей, теперь отстаивают централизацию, — как эта борьба заканчивается торжеством обновленной Турции, стремящейся к обетованному далекому каменистому Турану, в лоно которого войдут „туранские“ народы (турки, венгры, финны). (Каким-то образом, впрочем, путь в Туран открыт и арабам, и курдам, и др.). Туран как бы уже страна международного братства, основанного на расовой, но, отчасти, и религиозной связи, и здесь слышны уже панисламистские нотки, плохо гармонирующие с национальными тонами. Для того, чтобы турецкий (анатолийский) элемент, экономически и культурно отсталый, мог сравняться с другими, христианскими, нациями государства, автор предлагает установление (сроком лет на двадцать) исключительных мер-законов, граничащих с грубым шовинизмом. Вдумчиво и любовно (как и в повести „Хандан“)²⁾ изображен у Халиде Эдиб тип передовой турчанки (Кая), которая, для спасения от смерти любимого ею вождя туранистов (Огуз-бей), выходит замуж за

1) См. „Восток“, кн. 4, стр. 202.

2) См. „Восток“, кн. 3, стр. 200.